

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ I ТЫС.Н.Э.
ПО АРХЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ
УКРАИНЫ И ВЕНГРИИ

Museum, National Museum of Ukrainian History./Editor. H. Coultis. — City of Edinburgh Museums and Art Galleries. — 1993. — S. 53, N 92.

¹⁷ *Амброс А. А.* Указ. соч. — С. 65.

¹⁸ *Balint Cs.* Vestiges archeologiques de l'epoque tardive des Sassanides et leurs relations avec les peuples des Steppes. // *Acta Archaeologica Hungaricae.* — Т. XXX, fas. 1/2. — Budapest, 1978. — S. 173 — 212.

¹⁹ *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка // *Курганы на Южном Буге.* — К., 1978. *Безуглов С. И.* Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону // *СА.* — 1985. — № 2. — С. 248 — 252. — Рис. 1, 24.

²⁰ *Toth E. H.* Sajatós temetkezési szokások a Duna-Tisza közli avarkori temetokban. // *Archaeologiai Ertesito.* — 1981. — Vol. 108. — S. 157 — 193.

²¹ *Амброс А. К.* Кочевнические древности Восточной Европы... — С. 33.

²² *Balint Cs.* Opt. cit.—S. 195.

²³ *Бобринский А. А.* Перещепинский клад // *МАР.* — 1914. — Вып. 34.

²⁴ *Vona J.* Studien zum Fruhawarischen Reitergrab von Szegvar. // *Acta archaeologica Hungaricae* — tomus XXXII. — Budapest, 1980. — S. 31 — 95.

²⁵ *Амброс А. К.* Кинжалы VI — VIII вв. — С. 53; *Garam E.* Über die fruhawarischen graber von Zsambok. // *Folia Archaeologica.* — Т. XXXIV. — Budapest, 1983. — S. 139 — 155.

²⁶ *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. — М., 1973; *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. — Л., 1980.

²⁷ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // *МИА.* — 1967. — № 142.

²⁸ *Гензинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // *КСИА.* — 1979. — Вып. 158. — С. 100.

²⁹ *Афанасьев Г. Е.* Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // *Северный Кавказ в древности и в средние века.* — М., 1980. — С. 150.

³⁰ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990. — С. 71 — 75.

В. С. Аксенов, А. В. Крыганов, В. К. Михеев

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ С КОНЕМ У НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам Красногорского могильника)

Раннесредневековые захоронения с конем относятся к специфической группе погребений, оставленной кочевниками и полукочевниками евразийских степей. Их связывают с различными этнокультурными массивами и родо-племенными группами. В Европе они известны от Урала до Дуная, охватывая область распространения салтовской культуры, население которой было этнически неоднородным и входило в состав раннефеодального Хазарского каганата. Изучение салтовских захоронений с конем по существу еще не начато, а между тем они могут дать важные дополнительные сведения для понимания этно-культурной ситуации, сложившейся на юге Восточной Европы в конце I тыс. н. э. Как первоначальную ступень решения этой задачи предлагаем публикацию материалов Красногорского могильника салтовской культуры, представленную в систематизированном виде *.

Грунтовый могильник у с. Красная Горка Балаклейского района Харьковской области принадлежит к числу редких памятников салтовской культуры, где в пределах одного погребального комплекса сочетаются обряды трупоположения и трупосожжения¹.

Здесь вместе с 265 погребениями людей обнаружено 24 конские могилы, а в 19 — отмечены замена целого коня его частью или, при полном отсутствии коня, предметами конского снаряжения. Анализ полученного материала позволит выделить следующие типы сопогребений коня с умершим.

I. Погребение человека с конем — 13 могил (№ 70/к-5; 75/к-4; 77/к-3; 93/к-6; 100/к-8; 103/к-7; 140/к-12; 150/к-13; 200/к-18; 209/к-10; 219/к-20; 245/к-17; 264/к-24) **.

II. Погребение коня — 11 погребений (к-1, 2, 9, 11, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 23) ***.

III. Погребение человека с предметами конского снаряжения. В эту груп-

* Работы на могильнике проводились в 1984 — 1991 гг. Средневековой археологической экспедицией Харьковского университета под руководством В. К. Михеева.

** В числителе указан номер захоронения человека, а в знаменателе — коня (с индексом «к»).

*** Номера конских захоронений (с индексом «к»).

пу входят 6 погребений с ингумацией (№ 8, 17, 120, 144, 145, 199) и 11 погребений с кремацией (№ 19, 101, 108, 138, 162, 167, 189, 216, 152, 254, 246).

IV. Захоронение человека в сопровождении части конской туши (№ 46, 128).

Погребения по языческому обряду ингумации несут в себе черты, типичные для болгарских грунтовых могильников салтовской культуры. Погребенные лежат в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на запад с сезонными отклонениями. Там, где сохранность скелета позволяла, прослежено, что руки погребенных вытянуты вдоль тела, но при этом одна из них или обе слегка согнуты в локтевом суставе, а кисти покоятся на костях таза. Ноги погребенных вытянуты и иногда скрещены (связаны). Из 21 погребения с ингумацией в 7 наблюдалось полное преднамеренное разрушение скелетов (№ 93/к-6; 100/к-8; 200/к-18; 245/к-17; 128, 144, 145), в одном (№ 129) был нарушен анатомический порядок костей ног умершего, а в погребении № 219/к-20 в анатомическом порядке лежали только кости ног погребенного. Здесь мы сталкиваемся с обрядом обезвреживания покойников и с фактами ограбления, осквернения могил. Так, в погребении № 219/к-20 удалось зафиксировать грабительский ход, где обнаружены развал сероглиняного кувшина, перекрестие сабли и панцирь черепахи.

В погребениях первого типа можно выделить два варианта, обусловленные расположением захоронения коня по отношению к погребению человека, а следовательно, и конструктивными особенностями могильных ям. В первом варианте конь располагается на длинной оси погребения человека черепом к его ногам (№ 70/к-5; 77/к-3; 93/к-6; 100/к-8; 103/к-7; 140/к-12; 200/к-18; 209/к-10). Могильные ямы вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами. Длина ям составляет 3 — 4,2 м. Ширина ям погр. № 93/к-6; 100/к-8; 103/к-7; 200/к-18 приблизительно одинаковая по всей длине и равна 0,5 — 0,8 м (рис. 1, 1, 2). В погр. № 70/к-5 прослежено постепенное расширение могильной ямы (до 1,1 м) к месту перехода погребения человека в захоронение коня с последующим уменьшением ее ширины до средних размеров (0,75 м). В погр. № 77/к-3; 209/к-10 могильная яма комбинированная; узкая яма (0,45 — 0,55 м) с погребением человека и примыкающая к ней с северо-востока более широкая (0,75 — 0,85 м), предназначенная для захоронения коня (рис. 2, 2). В погребении № 140/к-12 могилы коня и человека разделяла земляная перемычка толщиной около 5 см, дно конской могилы находилось на 0,6 м ниже дна могильной ямы с погребением человека (рис. 2, 1). Глубина ям от современной поверхности почвы — 0,8 — 1,95 м. Конь в пяти погребениях (№ 70/к-5; 93/к-6; 10/к-8; 103/к-7; 200/к-18) лежал на левом боку; в одном (№ 77/к-3) — на правом, в двух (№ 140/к-12, 209/к-10) — на брюхе с поджатыми ногами. Голова коня в погребениях № 70/к-5; 77/к-3; 93/к-6, а в погребении № 103/к-7 и вся передняя его часть находилась на крышке гроба с покойником. В остальных случаях шея коня изогнута и голова либо повернута назад к крупу (140/к-12), либо завалена на бок (№ 209/к-10). В погребении № 100/к-8, 200/к-18, отсутствовали черепа коней, использованные в каких-то других обрядах, связанных с погребением хозяина. Возможно, они были установлены на шестах возле могил, как это делали казахи еще в недавнем прошлом². В тех случаях, когда погребение коня сопровождалось предметами конского снаряжения (№ 77/к-3, 103/к-7, 200/к-18, 209/к-10), они занимали место в ногах погребенного на крышке гроба или вне его перед черепом коня. Предметы конской сбруи в погребениях № 70/к-5 и 93/к-6 находились среди останков человека внутри гроба. Во втором варианте сопребение человека с конем (№ 75/к-4, 150/к-13, 219/к-20, 245/к-17, 264/к-24) последний занимает место рядом с человеком в общей могильной яме (рис. 3, 1, 3).

Могильные ямы подпрямоугольной формы (2,0 — 2,7×1,3 — 1,5 м); глубина их от современной поверхности почвы в среднем составляет 1,5 м. Во всех случаях скелет коня занимает место справа от погребения человека; конь в погребении 75/к-4 лежал на специальной земляной ступеньке высотой 25 см. Кони ориентированы в том же направлении, что и люди. В погребении № 75/к-4 конь положен на правый бок. В остальных случаях кони лежат на брюхе; а в погребении № 150/к-13, 264/к-24 головы коней и передняя часть туловища завалены на крышки гробов.

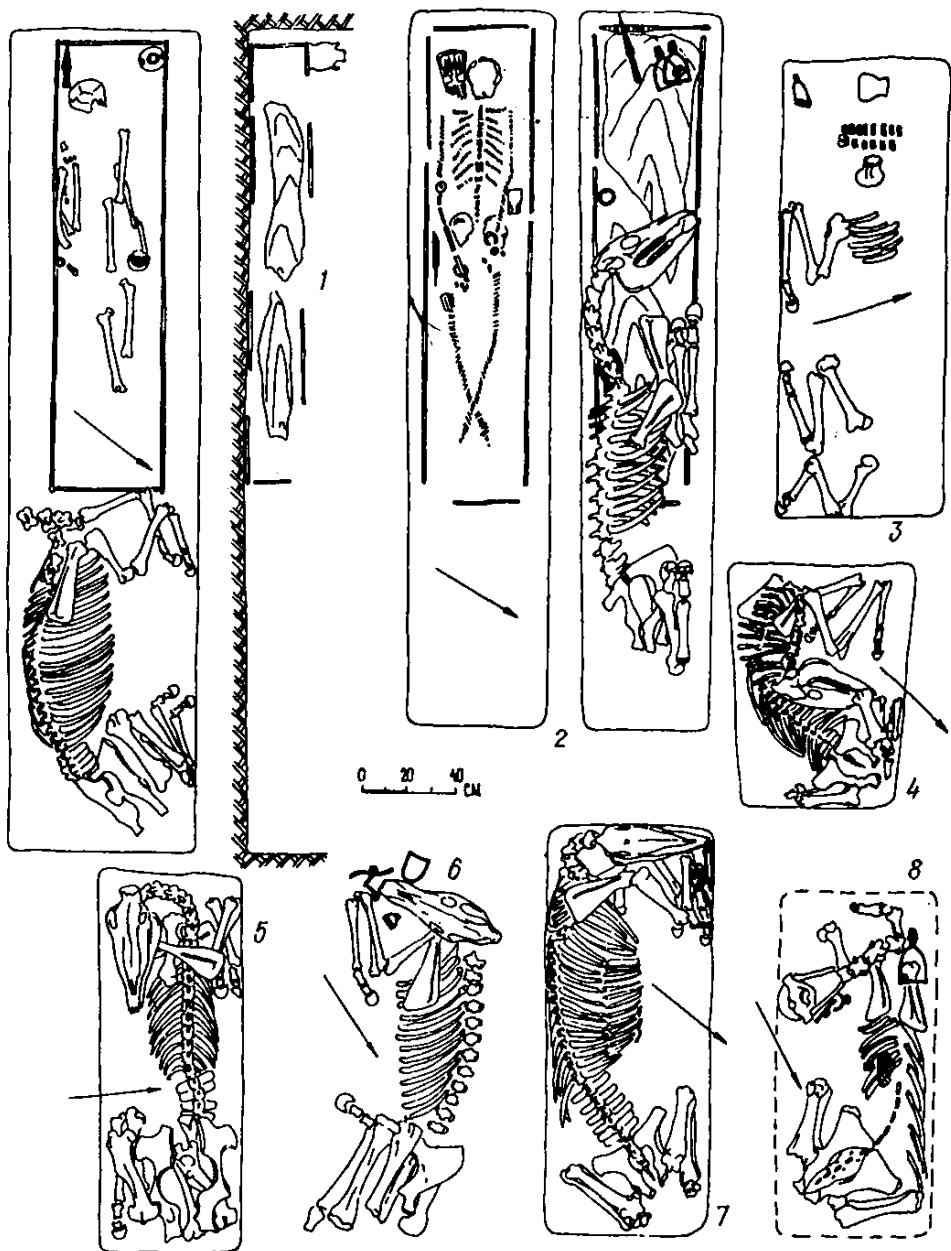

Рис. 1. Погребения могильника Красная Горка:

1 — №100/к-8; 2 — № 103/к-7; 3 — к-9; 4 — к-22; 5 — к-II; 6 — к-2; 7 — к-21; 8 — к-I.

Предметы конского снаряжения находились в основном при скелетах коней. В комплексе с пламевидным наконечником копья они обнаружены перед черепом коня у торцевой стенки головной части могильной ямы в погребении № 150/к-13. Стремена и удила в погребении № 75/к-4 размещались возле крупа на левом боку коня, а справа от скелета, начиная от передней лопатки обнаружены украшения сбруи и седла, представленные четырьмя большими бронзовыми бубенчиками и таким же количеством бронзовых лунниц с гвоздиками для крепления к основе седла. Круп коня в погребении № 264/к-24 перекрыт слоем бересты, поверх которого лежали стремяна (по обе стороны от позвоночника животного), а возле них костяное горлышко от бурдюка и бронзовая пряжка.

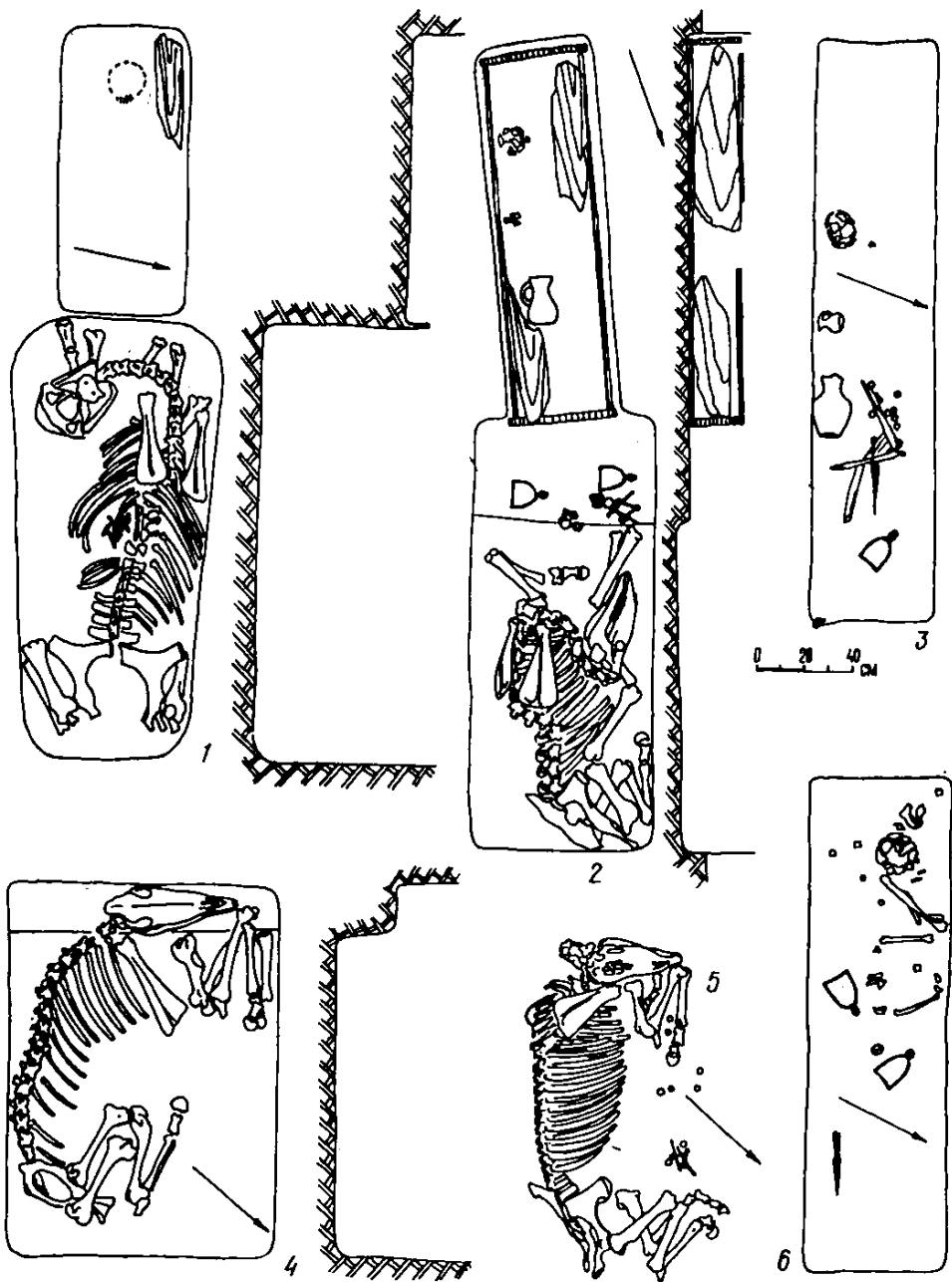

Рис. 2. Погребения могильника Красная Горка:

1 — № 140/к-12; 2 — № 209/к-10; 3 — № 144; 4 — к-15; 5 — к-19; 6 — № 145.

ка. Слева от позвоночника на слое бересты и справа от него на крышке гроба зафиксированы сбруйные ремни, украшенные круглыми серебряными бляшками (рис. 3, 3). Все это указывает на то, что конь захоронен оседланным. В погребении кроме того найдены: удила, две подпружные пряжки, серебряные оковки и бляшки-уздечки возле плечевой кости левой конечности коня. Предметы конского снаряжения в погребениях № 219/к-20 и 245/к-17 лежали на крышках гробов; на костях коня в погребении № 219/к-20 — только сбруйное кольцо и возле ног — подпружная пряжка; в погребении № 245/к-17 — бронзовые фалары возле черепа коня.

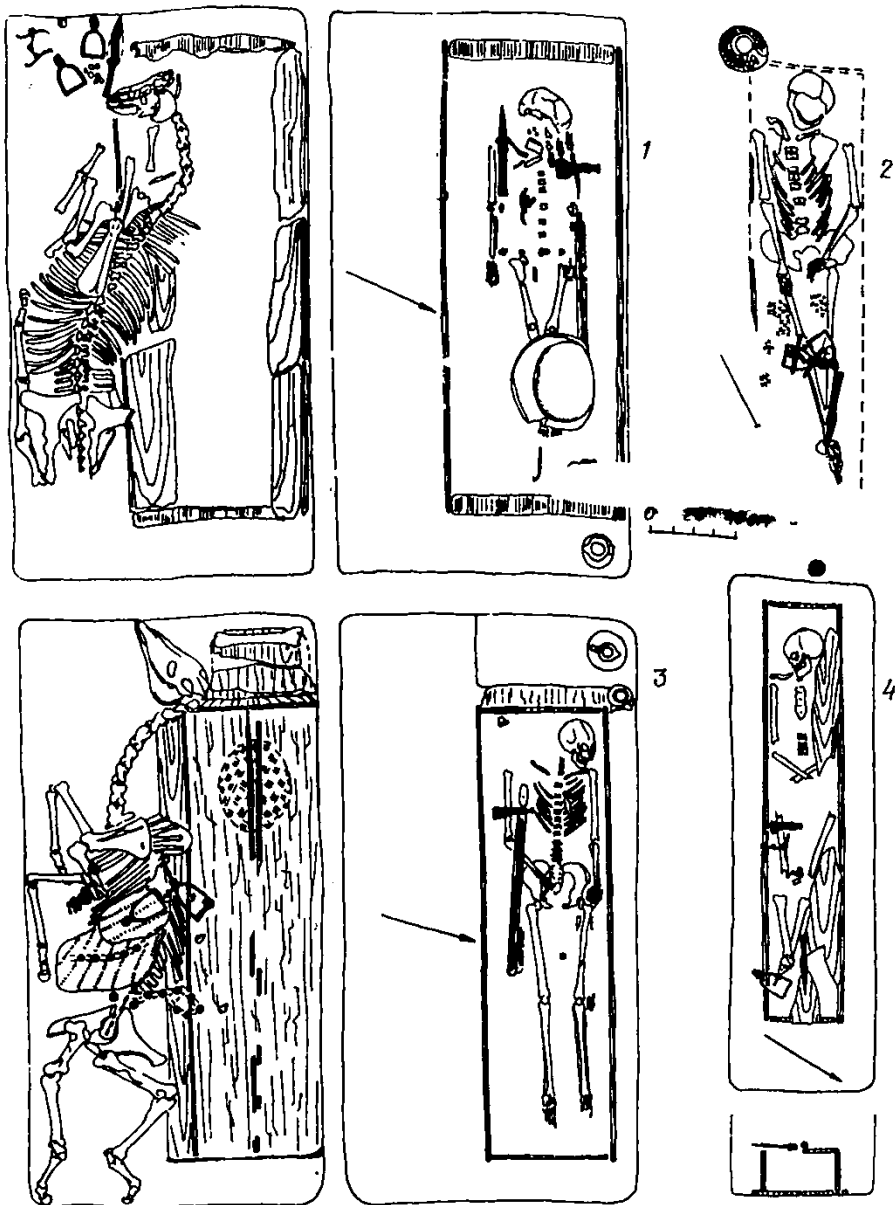

Рис. 3. Погребения могильника Красная Горка:
 1 — № 150/к-13; 2 — № 17; 3 — № 264/к-24; 4 — № 199.

В захоронениях рассматриваемого типа не наблюдается зависимость наличия коня от пола и возраста погребенных. Так, в погребениях № 77/к-3 и 75/к-4 кони сопровождали женщин, а в № 140/к-12 — ребенка. В остальных случаях захоронения коней составляют единый комплекс с мужскими погребениями. Отмечен случай, когда конь сопровождал парное труположение мужчины и женщины (№ 93/к-6) с преднамеренным нарушением анатомического порядка костей. Вместе с погребенным по обряду ингумации на дне погребальной ямы обнаружена ямка с остатками кремации. Последнее позволяет предположить связь между нарушением анатомического порядка костей умерших и остатками кремации в ямке на дне погребальной ямы. Мы склон-

ны рассматривать это как дополнительное захоронение, вероятно родственника умерших, тем более, что подобные дополнительные захоронения отмечены в насыпках нескольких погребений как без, так и с элементами культа коня. При этом дополнительные захоронения никогда не разрушают основных. Так, погребение № 150/к-13 (ингумация) дополнялось труположением в колоде, принадлежавшее, вероятно, ребенку; в № 75/к-4 (ингумация) сопровождающих захоронений выявлено три: № 59 — ямное трупосожжение по характеру инвентаря (боевой топорик, кресало) принадлежавшее, по-видимому, мужчине; № 71 — ямное трупосожжение; № 64 — погребение человеческого черепа, в сопровождении жертвенной пищи в виде сложенных кучкой костей овцы. Трупосожжения № 59, 71 впущены в насыпку конской могилы, а № 64 — в насыпку погребения человека № 75/к-4.

В 7 из 13 погребений I типа обнаружены поясные наборы. При этом не всегда поясной набор сопровождался предметами вооружения (№ 93/к-6, 209/к-10, 245/к-17), а предметы вооружения могли не сопровождаться поясным набором (№ 103/к-7, 264/к-24). Интересно, что самый богатый поясной набор найден в погребении № 77/к-3 и принадлежал женщине, вооруженной боевым топориком и луком. Поясной набор из самого богатого погребения этой группы (№ 150/к-13) (в нем найдены сабля, боевой топорик, два наконечника копья, колчан со стрелами, лук, бронзовый котел) был значительно беднее. В другом богатом мужском погребении (№ 264/к-24) с полным комплектом вооружения поясной набор вообще отсутствовал. Объяснить причины этого явления пока не представляется возможным, хотя подобное встречалось и на других могильниках салтовской культуры³.

Захоронения одних коней выявлены в II могилах (к-1, 2, 9, 11, 14, 15, 16, 19, 21, 23). Там, где удалось проследить могильные ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами. Размеры ям колеблются в пределах 1,5 — 2 м × 0,6 — 1,1 м, а глубина от современной поверхности почвы составляет 1 — 2 м. В 10 погребениях останки коня занимали все пространство могильной ямы и только в погребении к-16 они размещались в северо-восточной части. Кони в погребении к-2, 16 лежали на правом боку, в к-15, 19, 21, 23 — на левом, а в к-1, 11, 14, 22 — на брюхе с подогнутыми ногами (рис. 2, 3). Только в погребении к-9 скелет лошади представлен костями передних и задних конечностей, а также зубами положенными так, что имитируют позу животного, положенного на бок с подогнутыми ногами (рис. 1, 3).

Инвентарь находится в основном в юго-западной части могильных ям возле черепов коней. В погребении к-1, 2, 21 конская сбруя представлена стременами, удилами и сбруйными кольцами, а на костях крупы к-1, 2 отмечены следы дерева, возможно от седла (рис. 1, 6, 8). В погребении к-9, кроме предметов сбруи обнаружены два керамических сосуда — кувшин и кружка. Конская сбруя в погребении к-15, 16 представлена только бронзовыми фаларами и железными сбруйными кольцами, пряжками (рис. 2, 4).

Два захоронения коней (к-1, 14) можно связать с погребениями мужчин-воинов в могилах № 144 и 145. Их могильные ямы расположены на одной продольной оси (северо-восток — юго-запад) и находятся в 2 м друг от друга; конь лежит в ногах человека. Такая связь обусловлена и найденными в погребении № 144, 145 стременами и фаларами, отсутствующих в захоронениях коней. Состав погребального инвентаря указывает также на то, что захоронение к-19 относится к трупосожжению № 216. Захоронение коня расположено как и в предыдущем случае в 2 м к северо-востоку от погребения человека. В нем найдены удила, фалары, железное сбруйное кольцо, оковки и бронзовые бляшки, уздечки (рис. 2, 5), а в трупосожжении — стремяна, бронзовый фигурный начельник, железная сбруйная пряжка. Инвентарь погребений дополняет друг друга и представляет собой логически законченный комплекс конского снаряжения, что и позволяет говорить о едином комплексе — № 216/к-19. Вышеописанные захоронения коней, кроме погребений к-11, 14, 19, связанных с погребением мужчин-воинов, могут быть отнесены к разряду кенотафов. Интересно, что в насыпку конских могил к-1, 15 были впущены человеческие захоронения: над к-1 находилось трупосожжение в яме (№ 26), над к-15 — скелет ребенка, ориентированный головой на северо-запад. Оба погреб-

бения безынвентарные и, возможно, принадлежали представителям зависимого населения.

К III типу нами отнесены погребения людей, в которых присутствуют предметы конской сбруи. Погребения с конской сбруей являются довольно широко распространенной на салтовских памятниках формой сопогребения коня с умершим. По мнению некоторых исследователей, изучавших тюркские древности средневековой Сибири, конская сбруя, положенная в могилу не была «аналогична конскому захоронению», а предназначалась коню, умерщвленному у могилы в день похорон или поминок, или даже умершему раньше⁴. Тем самым погребение с конским снаряжением можно отнести к погребениям с конем, только присутствие в них коня символизирует конская сбруя. Таких погребений на могильнике Красная Горка открыто 17.

В шести могилах с ингумацией (№ 8, 17, 120, 144, 145, 199) обнаружены предметы конского снаряжения, лежавшие в ногах погребенных на крышке гроба (рис. 3, 2) или непосредственно среди костей умершего (рис. 2, 3). Под погребенным в № 8, 17 зафиксирована угольная подсыпка — обычай, хорошо известный по другим болгарским грунтовым могильникам (рис. 3, 2). В пяти погребениях найдены предметы вооружения: наконечники копий (№ 17, 144, 145, 199), боевой топорик (№ 199), костяные накладки от лука (№ 120). Поясные наборы обнаружены в погребениях № 144, 145, 199. Вышеописанные погребения отнесены нами к разряду воинских, кроме № 8.

Предметы конского снаряжения найдены в погребениях, произведенных по обряду кремации как ямных (№ 19, 138, 162, 167, 189, 246, 252, 254), так и урновых (№ 108, 101, 216), на глубине 0,3 — 0,9 м от современной поверхности. Форма могильных ям круглая, диаметром 0,25 — 1 м или овальная (0,45 — 0,5×0,2 — 0,4 м), ориентированная по линии север-юг. Возле погребений № 138 и 189 открыто по одному тайничку, примыкающему к ним с юго-запада и востока. В них хранились предметы конской сбруи и личные вещи умерших: № 138 — фалары, чумбур, ботало, железный нож; № 189 — стремена, удила, поясной набор. В остальных ямах с трупосожжениями инвентарь находился среди кальцинированных костей (№ 19, 162, 246), под ними (№ 167, 254) и рядом (№ 252).

В урновых трупосожжениях остатки кремации помещены в салтовские столовые горшки. При этом погребение № 101 является коллективным, что выразилось в помещении остатков кремации в три сосуда со своим инвентарем, стоящих в ряд по линии юго-восток — северо-запад. Четвертый сосуд железный, преднамеренно деформированный клепанный котел.

Среди костей в сосудах лежали предметы вооружения и конского снаряжения, свидетельствующие о принадлежности праха в сосудах «Б» и «В» мужчинам-воинам. Урна из погребения № 108 накрыта перевернутой вверх дном глиняной миской. Рядом с ней обнаружен смятый железный котел, на который нагромодили предметы вооружения, стремена, удила. Все вещи вместе с урной были накрыты бронзовой дисковидной обкладкой щита, умышленно деформированного во время совершения погребального обряда. Возле урны погребения № 216 обнаружен тайник с орудиями труда, боевым топориком, складным железным серпом и снаряжением коня (стремена, бронзовый фигурный начальник, подпружная железная пряжка). В расположенном неподалеку захоронении к-19 содержались недостающие предметы комплекта конского снаряжения (удила и уздечка, украшенные бляшками). Сама погребальная урна представляет собой сероглиняный столовый горшок с двумя ручками, одна из которых отбита в древности. У горшка отсутствовало дно, преднамеренно отбитое, по-видимому, перед использованием сосуда в качестве погребальной урны.

В 8 из 11 погребений с кремацией предметы конского снаряжения (рис. 4) найдены в комплексе с предметами вооружения и только в погребениях № 138, 246, 252 предметы вооружения отсутствовали. Примечательно, что из исследуемых трупосожжений умышленно деформированы только четыре сабли (№ 19, 101, 162, 254) — половина всех сабель, найденных на могильнике, и четыре умышленно деформированных котла (№ 101, 108, 162, 254) — большая часть из найденных на могильнике. Остальные четыре сабли и два котла найдены в погребениях с ингумацией. Специфической чертой трупосожжений яв-

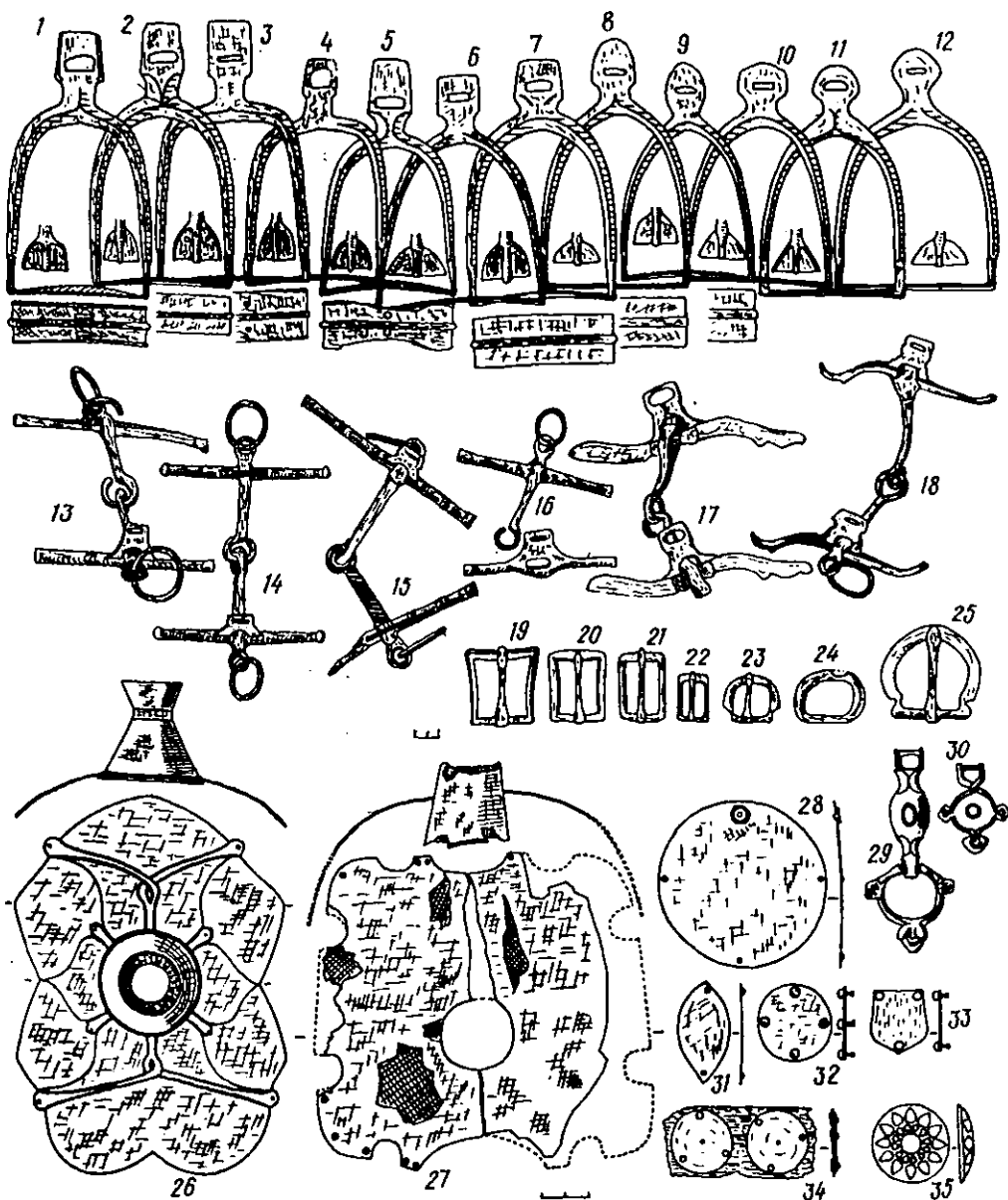

Рис. 4. Предметы конской сбруи из погребений:

1 — № 252; 2, 17, 21 — № 189; 3 — № 75/к-4; 4, 5 — № 167; 6, 30 — № 77/к-3; 7, 27, 28, 31 — № 216; 8 — № 8; 9 — № 17; 10 — к-2; 11, 15, 26 — № 101/В; 12, 32, 33 — № 209/к-10; 13 — № 120; 14, 25 — № 162; 16, 22, 23 — № 108; 18 — № 154; 19, 34 — № 150/к-13; 20, 35 — № 243/к-17; 24 — № 200/к-18; 29 — № 100/к-8; 1 — 25 — железо; 26 — 35 — бронза.

ляется то, что предметы вооружения и конского снаряжения обнаружены в комплексе со складными железными серпами (№ 19, 167, 216, 254), что совершенно не свойственно для погребений по обряду ингумации с конем.

Погребения IV типа, то есть захоронения человека с частью туши коня, представлены только двумя погребениями (№ 46, 128). В № 46 покойницу сопровождала жертвенная пища в виде ребер и плюсны лошади, положенных в ногах. Этот обряд широко распространен на болгарских могильниках бассейна Дона⁵. В погребении № 128 кости человека перемешаны с черепом и шейными позвонками лошади и лежали в северо-восточной части могильной ямы. Погребение сопровождалось наконечником копья, глиняной кружкой и принадлежало, вероятно, мужчине. Нарушение анатомического порядка костей в древности не дает возможности определить здесь местоположение эле-

ментов культа коня и их первоначальный состав. Для наших целей невозможно использовать материал погребения № 46, так как части конской туши являются жертвенной пищей и к культуре всадничества отношения не имеют.

Анализ сопровождающего инвентаря захоронений с элементами культа коня показал преобладание этого признака в погребениях с предметами вооружения. Захоронение коня и предметов конской сбруи вместе с умершим указывают на высокий социальный статус погребенных, но некоторые из них не сопровождался предметами вооружения и, вероятно, не принадлежали к воинскому сословию. Так, из 31 погребения людей 21 бесспорно относится к воинским. В воинских погребениях обнаружено: 6 сабель (№ 19, 101"В", 150/к-13, 162, 254, 264/к-24; в № 219/к-20 сабля извлечена из могилы в древности, так как в могиле сохранились рукоять, портупейные скобы, а в засыпке обнаружено перекрестие); 17 наконечников копий (по 2 в № 150/к-13, 254); 12 воинских поясов (№ 70/к-5, 77/к-3, 93/к-6, 144, 145, 150/к-13, 167, 189, 199, 209/к-10, 219/к-20, 245/к-17); 7 боевых топорилов; в II погребениях найдены наконечники стрел или остатки луков, колчанов.

Из всех воинских погребений своим богатством выделяются пять захоронений, принадлежавших представителям социальной и воинской верхушки общества (№ 101"В", 108, 150/к-13, 254, 264/к-24). В них наиболее полно представлены предметы вооружения: 4 сабли (№ 101"В", 254, 150/к-13, 264/к-24); 7 наконечников копий (по 2 в № 150/к-13, 254); 4 боевых топорилов (№ 108, 254, 150/к-13, 264/к-24). В погребениях зафиксированы остатки луков, колчанов, найдены наконечники стрел. Поясной набор обнаружен только в погребении № 150/к-13 (ингумация), но в погребениях с кремацией они могли быть, однако из-за специфики обряда не сохранились.

Отличительной особенностью этих погребений является наличие в них котлов (№ 101"В", 108, 254, 150/к-13), которые считаются типичным атрибутом кочевого населения. Наличие котлов в погребениях позволяет отождествить похороненных воинов с главами отдельных семей, так как одним из заметных внешних атрибутов главы семьи был котел-казан⁶. О высоком социальном статусе погребенных говорит и находка в погребении № 108 бронзовой обкладки щита, и тот факт, что наверхие, оковка рукояти сабли, обкладка, портупейные скобы ножен сабли из погребения № 254, оковки, бляшки от уздечки, бляшки подпружных ремней из погребения № 264/к-24 изготовлены из серебра.

Остальные 16 воинских погребений, по обнаруженным в них предметам вооружения, наконечникам копий (№ 100/к-8, 103/к-7, 219/к-20, 17, 128, 144, 145, 162, 189, 199); саблям (№ 162, 219/к-20); боевым топорилов (№ 77/к-3, 199, 216); остаткам луков, наконечникам стрел (№ 70/к-5, 77/к-3, 103/к-7, 101"В", 120, 162, 167); поясным наборам — отнесены нами к захоронениям профессиональных воинов, составлявших основу войска, легкую кавалерию. Наиболее богатые воины этой группы погребены с конями, менее богатые — с предметами конской сбруи. Украшения конской сбруи встречаются, в основном, в погребениях, сопровождаемых захоронением коня. В обеих группах воинских погребений представлены захоронения, совершенные и по обрядам ингумации и кремации. При этом соотношение воинских погребений по обряду кремации и ингумации соответствуют соотношению всех погребений с кремацией к погребениям с ингумацией для всего могильника.

Фиксация положения исследуемых погребений с ингумацией и захоронений коней относительно сторон горизонта используя методику, разработанную В. В. и В. Ф. Генингами⁷, позволяет определить время года, когда были произведены захоронения и тем самым выяснить вероятный характер ведения хозяйства. Используя азимутные данные точек восхода и захода солнца во времена года для 50° северной широты, на которой находится могильник, установлено, что население, оставившее могильник, отдавало предпочтение в ориентации погребенных точке захода солнца (см. табл.). На зимнее время года приходится 35 % погребений людей и 45,4 % захоронений только коней, на раннюю весну или позднюю осень — 45 и 9,1 %; на позднюю весну или раннюю осень — 5 % и 27,3; на лето — 15 и 18,2 % соответственно. Малое количество исследуемых погребений вносит в расчеты определенную погрешность, но все же определенную тенденцию удастся проследить.

Распределение погребений по временам астрономического года

Ранняя весна или поздняя осень (№)	Поздняя весна или ранняя осень (№)	Лето (№)	Зима (№)
8	209/к-10	17	144
120	к-9, 11, 23	77/к-3	145
128		93/к-6	199
75/к-4		к-1, 2	70/к-5
140/к-12			100/к-8
200/к-18			103/к-7
219/к-20			150/к-13
245/к-17			к-14, 15
164/к-24			к-19, 21
к-16			к-22
10	4	5	12

Снижение количества погребений поздней весной и повышение их количества поздней осенью по астрономическому календарю, при наличии ярко выраженных кочевнических элементов в погребальном обряде — конских погребений, культа всадничества, специфических предметов быта — говорит о том, что часть населения ранней весной откочевывала, а ранней осенью возвращались к месту зимовки. Наличие погребений, произведенных в летний период, предполагает существование населения не участвующего в этих передвижениях — земледельцев, ремесленников, обедневших кочевников и воинов, оставленных для их охраны. Все это может свидетельствовать о полуседлом характере населения.

Так как мы рассматриваем сравнительно богатые погребения, то процент погребений с конем и элементами его культа ниже процента погребений рядового населения в летний период. Тем самым подтверждается предположение о том, что верхушка общества продолжала кочевать и после оседания на землю основной части населения⁸. В конских захоронениях прослеживается та же закономерность: погребения зимой, поздней осенью или ранней весной преобладают над захоронениями летом, поздней весной или ранней осенью, что прямо связано с количеством населения не принимающего участия в кочевании.

Объединение в единые комплексы к-11 и № 144, к-14 и № 145, на наш взгляд, не противоречит их азимутной ориентировке. Захоронения к-14 и погребения № 145, имея разницу в ориентировке всего в 2°, совершены, скорее всего, одновременно. Разновременность захоронений к-11 (поздняя весна или ранняя осень) и № 144 (зима) можно объяснить тем, что конь был погребен после смерти своего хозяина, то есть поздней весной.

Большое значение для определения хронологических рамок исследуемых погребений и их этнической интерпретации имеет тот факт, что из 20 захоронений по обряду ингумации в 18 отмечены следы деревянных конструкций. В 13 погребениях (№ 70/к-5; 75/к-4; 77/к-3; 93/к-6; 100/к-8; 1-3/к-7; 150/к-13; 200/к-18; 209/к-10; 219/к-20; 245/к-17; 264/к-24; 199) зафиксированы гробы-ящики с крышкой и дном; в 3 (№ 8, 17, 128) — гробы-рамы с крышкой; в одном (№ 120) — гроб-колода без крышки. В погребении № 140/к-12 грунтовая могильная яма перекрыта деревянной крышкой, положенной на земляные заплечики. Интересно, что данное погребение, принадлежавшее ребенку, сопровождалось жеребой кобылой. Такое могли позволить себе только состоятельные родители.

У кочевников иногда вместе с верховым конем захоранивали кобылу с жеребенком, обеспечивая этим будущий приплод, а также мясную и молочную пищу для умершего⁹. Захоронение жеребой кобылы в нашем случае неслучайно, видимо, аналогичную смысловую нагрузку.

Из вышесказанного видно, что из 13 погребений человека с конем в 12 — останки людей лежали в гробах-ящиках, то есть более богатые погребения имеют сложные деревянные конструкции. Гробы-ящики, несомненно, являются дальнейшим развитием таких деревянных конструкций как гробы-рамы. Гробы-ящики могильника Красная Горка, оставаясь по сути, как и гробы-рамы, обкладками стенок могильной ямы, приобрели новый существенный элемент кон-

струкции — дно. Еще больше сближает гробы-рамы и гробы-ящики отказ от использования в конструкции крепежных элементов — гвоздей, скоб, пазов. Применение гробов-рам и гробов-колод известно на Волоконовском могильнике¹⁰, на могильниках в среднем течении Северского Донца¹¹, на некоторых некрополях Крыма¹², раннеболгарских могильниках на Волге¹³, на могильниках Луковит-1, Варна-2, Девня-2 в Болгарии¹⁴. Как отмечают исследователи, подобные деревянные конструкции датируются концом IX — серединой X вв. Гробы-ящики с крышкой и дном известны в могильниках возле Саркела, но отличаются они от Красногорских тем, что в конструкции применены железные кованные гвозди и крышки изготовлены в форме гробищиц. К тому же, в саркельском могильнике не обнаружено ни одной колоды. О. А. Артамонова датирует гробы-ящики Саркела первой половиной XI в.¹⁵

Стенки гробов-ящиков из могильника Красная Горка параллельные или сужающиеся к ногам, с перекрытием и дном из двух параллельных плах. Торцевые стенки нередко зажаты между продольными. Последние иногда выступают за торцевые на 1 — 2 см. Все крышки плоские. Они на 2 — 5 см шире гробов, высота которых составляла 25 — 30 см; такие гробы-ящики аналогичны деревянным конструкциям этого назначения из Поволжья, Южного Приуралья и Крыма (Тепсень, Кордон-Оба), что позволяет предположить хронологическую близость их бытования и, тем самым, датировать их серединой — второй половиной X в. Предложенную датировку подтверждает и наличие гробов-колод, начало применения которых С. А. Плетнева относит к середине X в.¹⁶ Предметы вооружения и конского снаряжения (рис. 4) находят аналогии в памятниках Евразийских степей и, подобно остальным, погребальный инвентарь не выходит за рамки заключительного этапа существования салтовской культуры.

Аналогами урновых и ямных трупосождений могильника Красная Горка могут служить погребения из Сухомольшанского могильника¹⁷. Определенные черты сходства не только в обряде, но и в наборе сопровождающего инвентаря прослеживаются в погребениях Ново-Покровского могильника¹⁸, в комплексах из пос. Кочеток¹⁹, у сел Пятницкое²⁰ и Тополи²¹. Объединяет все эти памятники преднамеренная порча оружия, использование тайников, находки надочажных щепей и котлов. Примыкают к данной группе памятников погребения по обряду кремации могильников Борисовское и Бюрсо из западного Предкавказья²².

Относительно трупоположений человека с конем, то этот вопрос не менее сложен. Одиночные захоронения коней и погребения людей с элементами культа всадничества довольно хорошо известны на болгарских могильниках салтовской культуры, но они существенно отличаются от красногорских. Так, погребения Нетайловского могильника отличаются от последних ориентировкой человеческих погребений, расположением коня по отношению к погребению человека, конструкцией могильных ям, деревянными конструкциями, составом инвентаря²³.

С другой стороны, взаиморасположение погребений людей (№ 144, 145) и захоронений коней (к-11, 14) на Красной Горке находит аналогии в Крымском могильнике²⁴ и в Дюрсо²⁵ с их отдельными конскими захоронениями и связанными с ними погребениями мужчин-воинов. Ряд погребений (№ 75/к-4, 219/к-20, 245/к-17, 264/к-24, 150/к-13), где конь лежит параллельно умершему и ориентирован с ним в одну сторону, аналогичен некоторым погребальным комплексам степной зоны: курган у Новочеркасска²⁶, курганы на Нижнем Дону, раскопанные Багаевской экспедицией²⁷, Новосадковский и Кировский V курганные могильники²⁸, относящиеся к предсалтовскому и раннесалтовскому времени. Известны подобные захоронения на могильниках VIII — IX вв. в Болгарии — № 33 могильника Нови-Пазар; № 55 могильника Кюлевча; № 56 могильника у с. Ножарево²⁹. Аналогии погребения с конем на одной оси в общей или комбинированной могильной яме на могильниках салтовской культуры нам не известны. Такой вариант захоронения возник на основе уже существовавших более простых форм сочетания коня и человека и является дальнейшим их развитием в процессе седентаризации.

Простейшая форма погребения с конем представлена в Дюрсо, Крымском

и Старокорсунском могильниках, где погребения коней расположены на некотором удалении от захоронения хозяина и связь между ними устанавливается через анализ сопровождающего инвентаря. На могильнике Красная Горка это погребение № 144, 145 и соответственно захоронения коней к-11, 14.

С углублением социальной дифференциации в обществе, выделении профессиональных воинов такая форма погребения претерпевает изменения. Конь становится атрибутом профессионального воина и как следствие — захоронение коня и его хозяина объединяются в общей могильной яме. При этом первоначально, вероятно, еще сохраняется традиция сооружения отдельных могильных ям для коня и его хозяина (№ 140/к-12, где конь и человек разделены тонкой земляной перемышкой и лежат на разных уровнях).

Со временем захоронение совершается в общей могильной яме — исчезает разделительная стенка, могильные ямы делаются с общим дном, но еще по традиции они сохраняют ширину, свойственную отдельным захоронениям человека и коня. Получаются комбинированные могилы типа открытых в Красной Горке (№ 77/к-3, 209/к-10). Возможно, одновременно с этим типом могильной ямы появляется и более рациональная ее форма — общая могильная яма для человека и коня с одинаковой шириной по всей длине (№ 93/к-6, 100/к-8, 103/к-7, 200/к-18). Не исключена связь данного варианта сопребения человека с конем с погребениями со шкурой коня, черепа и костей конечностей, лежащих в ногах умершего (болгарские грунтовые могильники Среднего Поволжья, среднее течение Северского Донца), хотя появление такого обряда связывают с влиянием финно-угорского (мадьярского) элемента, для которого шкура коня, положенная к ногам, является атрибутивной чертой погребального обряда³⁰.

В связи с тем, что погребения с конем довольно широко известны как у кочевых, так и у оседлых народов, разделенных огромными расстояниями и значительными временными интервалами, тенденции использования в погребальном обряде коня, главным образом как средства перемещения умершего в загробный мир и дальнейшее применение его по назначению, свойственна надэтничность. Намеченные варианты погребений Красной Горки могут свидетельствовать о социальном и имущественном разделении в среде недавних кочевников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приведенной ниже таблице даются сведения об исследуемых погребениях с конем могильника Красная Горка. Содержащиеся в ней сведения закодированы следующим образом:

Признак I — номера погребений.

Признак II — типы погребений: I — погребение человека с конем (А — конь в ногах человека; Б — конь рядом с человеком); III — погребение человека с конской сбруей (А — ингумация, Б — кремация; 1 — ямное; 2 — урновое); IV — погребения человека с частью туши коня.

Признак III — половозрастной состав погребенных: м — мужской; ж — женский; д — детский; п — парное; ? — неопределенный.

Признак IV — особые признаки: 1 — гроб-колода; 2 — гроб-рама; 3 — гроб-ящик; 4 — деревянное перекрытие; 5 — грунтовая яма; 6 — древесный уголь; 7 — тайничек; 8 — заупокойная пища.

Признак V — инвентарь: 1 — оружие и предметы снаряжения; а — сабли; б — боевые топоры; в — наконечники копий; г — наконечники стрел; д — костяные накладки лука, остатки колчана; е — обкладка щита; ж — пряжки, бляшки поясного набора; з — кистени; и — стремяна; к — удила и палии; л — сбруйные пряжки, кольца; м — украшения сбруи; н — котлы; о — столовая посуда;

2 — орудия труда и бытовые предметы; а — ножи; б — железные серпы; в — железные мотыжки; г — кресала с кремнем; д — костяные горлышки бурдюков;

3 — украшения: а — бронзовые серьги; б — браслеты бронзовые; в — перстни бронзовые; г — бусы сердоликовые; д — бусы многочастные; е — бисер; ж — пронизи бронзовые; з — шумящая подвеска.

Номер погребения	Тип погребения	Пол	Особые признаки	Инвентарь
8	III-A	м	2, 6	И, К, Л, 2а
17	III-A	м	2, 6	И, Л, К, Л
19	III-B-1	?(м)		1а, И, Л, 2а, 2б
70/к-5	I-A	м	3	Д, 1ж, 1з, И, К, Л, 2а
75/к-4	I-B	ж	3	И, К, Л, Л, 1о, 3в

Номер погребения	Тип погребения	Пол	Особые признаки	Инвентарь
77/к-3	I-A	ж	3	1б, 1д, 1ж, 1и, 1к, 1л, 1о, 3а, 3б, 3в
93/к-6	I-A	п	3, 8	1ж, 1и, 1к, 1м, 1о
100/к-8	I-A	м	3	1в, 1м, 1о
101"Б" «В»	III-B-2	?(м)		1д, 1г, 1и, 1к
103/к-7	I-A	м	3	1а, 1в, 1г, 1д, 1и, 1к, 1м, 2а, 1н, 3ж, 3в
108	III-B-2	?(м)		1б, 1в, 1г, 1д, 1о, 1и, 1к, 1н, 2а
120	III-A	м	1	1д, 1к
128	IV	м	2	1в, 1о
138	III-B-1	?(ж)	7	1м, 2а, 3б, 3ж
140/к-12	I-A	д	4	3г, 3д, 3е
144	III-A	м	5	1в, 1ж, 1и, 1о
145	III-A	м	5	1в, 1ж, 1и, 1о, 1м, 2б, 3ж
150/к-13	I-B	м	3	1а, 1б, 1в, 1г, 1д, 1ж, 1и, 1к, 1л, 1м, 1н, 1о
162	III-B-1	?(м)		1а, 1д, 1и, 1к, 1м, 1н, 2а, 3в
167	III-B-1	?(м)		1г, 1д, 1ж, 1и, 1к, 2а, 2б
189	III-B-1	?(м)	7	1в, 1ж, 1и, 1к, 3б, 3з
199	III-A	м	3	1б, 1в, 1ж, 1и, 1к
200/к-18	I-A	м	3	1к, 1л, 1о
209/к-10	I-A	д		1ж, 1и, 1к, 1л, 1м, 1о, 3в
216	III-B-2	?(м)	3	1б, 1и, 1м, 2б
219/к-20	I-B	м	7	1а, 1в, 1ж, 1и, 1к, 1л, 1о
245/к-17	I-B	м	3	1ж, 1м, 1л, 2а
246	III-B-1	?(ж)	3	1к, 1и, 2б, 3б, 3г
252	III-B-1	?(м)		1и, 1к, 3б
254	III-B-1	?(м)		1а, 1б, 1в, 1г, 1д, 1и, 1к, 1л, 1м, 1н, 2а, 2б, ложкорез, перовидное сверло
264/к-24	I-B	м	3,8	1а, 1б, 1в, 1г, 1д, 1и, 1к, 1л, 1м, 1о, 2д
к-1	II	конь	5	1и, 1к, дерево от седла
к-2	II	конь	5	1и, 1к, дерево от седла
к-9	II	конь	5	1и, 1м, 1о
к-11	II-A	конь	5	1л
к-14	II-A	конь	5	
к-15	II	конь	5	1м
к-16	II	конь	5	1л
к-19	II-A	конь	5	1к, 1м
к-21	II	конь	5	1и, 1к
к-22	II	конь	5	
к-23	II	конь	5	

¹ Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990; Михеев В. К. Средневековые могильники с обрядом кремации на территории лесостепного Подонья // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке: Тез. докл. и сообщений. — Белгород, 1990.

² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966. — С. 128.

³ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989. — С. 280.

⁴ Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1990. — С. 63.

⁵ Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. — София, 1981. С. 9.

⁶ Плетнева С. А. Половцы. — М., 1990. — С. 129.

⁷ Генцинг В. В., Генцинг В. Ф. Метод определения древних традиций ориентировок по сторонам

- горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. — К., 1985. — С. 136 — 152.
- ⁸ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М., 1982. — С. 78.
- ⁹ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. — М., 1957. — С. 31, 32.
- ¹⁰ Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. — 1976. — № 3. — С. 279 — 298.
- ¹¹ Красильников К. Н. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С. 28 — 44.
- ¹² Баранов Н. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — К., 1990. — С. 117 — 129.
- ¹³ Генциг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. Больше-Тархановский могильник. — М.: Наука, 1964.
- ¹⁴ Вьжарова Ж. Н. Славяни и прабългари (на дани на некрополите от VI — XI вв. на територията на България). — София, 1976.
- ¹⁵ Артамонова О. А. Могильник Саркел-Белая Вежа // МИА. — 1963. — № 109. — С. 38 — 40.
- ¹⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142. — С. 98.
- ¹⁷ Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. — 1986. — № 3. — С. 158 — 173.
- ¹⁸ Кухаренко Ю. В. Новопокровский могильник и поселения // Археология. — 1952. — Т. 6. — С. 33 — 50.
- ¹⁹ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985. — С. 123. — Рис. 14.
- ²⁰ Шрамко Б. А. Погребения VIII — X вв. у с. Пятницкое Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983. — С. 48 — 50; Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. — С. 121 — Рис. 12.
- ²¹ Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. — 1951. — Т. 41. — С. 99 — 108.
- ²² Сахнев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911 — 1912 гг. // ИАК. — 1914. — Вып. 56. — С. 75 — 219.
- ²³ Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нейталовского могильника // Древности Среднего Поднепровья. — К., 1981. — С. 80 — 96.
- ²⁴ Савченко Е. Н. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. — М., 1986. — Вып. 1. — С. 70 — 101.
- ²⁵ Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней на могильнике эпохи переселения народов на реке Дюрс близ Новороссийска // СА. — 1979. — № 4. — С. 223 — 226.
- ²⁶ Клейн А. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО, 1971. — М., 1972. — С. 133 — 134.
- ²⁷ Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. — М., 1974. — Т. 2. — С. 45 — 46.
- ²⁸ Власкин М. В., Ильюков Л. С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маньча // СА. — 1990. — № 1. — С. 137 — 153.
- ²⁹ Станчев С. Некрополь до Нови Пазар. — София, 1958; Станчев С. Новый памятник ранней болгарской культуры // СА. — 1957. — Т. 27. — С. 114, 115; Вьжарова Ж. Н. Славяни... — С. 114 — 119; Рашиев Р., Станчлов С. Раннесредневековый могильник у с. Ножарево, Силистринский округ (предварительное сообщение) // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 218.
- ³⁰ Балшич И. Погребения с конями у венгров в IX — X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 182.

Е. Н. Симонова

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ БЕЛОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ

Среди гончарной керамики поселения Гергеуигорня может быть выделена группа керамических изделий, отличающихся составом глиняного теста; в основном из каолина или элита с различными отощителями или почти без них. При обжиге в оксидной среде, несмотря на присутствие оксидов металлов — железа или марганца — они оставались светлыми с широкой гаммой оттенков: белых, розовато-, желтовато-, серовато-белых и т. д. Белоглиняная керамика с нашего поселения, за исключением одного сосуда, который удалось реставрировать (рис. 1, 12), найдена сильно фрагментированной (рис. 1, 1 — 11). Всего обнаружено более 70 фрагментов различной величины, среди которых преобладают мелкие обломки венчиков, стенок, донцев.

Обычно это обломки сосудов, изготовленных из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка (рис. 1, 2, 4, 7, 9), но встречаются фрагменты и более грубых сосудов (рис. 1, 2; 2, 10). Большинство из них украшены густым линейным (рис. 1, 5), частым волнистым (рис. 1, 2, 6, 9), ординарным линейно-волнистым, небрежно нанесенным палочкой (рис. 2, 2), и ямочным орнаментом, также выполненным палочкой (рис. 1, 11). Толщина стенок сосудов колеблется от 0,4 —